

зом, автор акцентирует, что в рамках политического дискурса метафорами целесообразно считать любые тропы, основанные на уподоблении (вплоть до отождествления) [Там же]. Анализируя оппозицию метафоры и метонимии, И.М. Кобозева считает, что к «метафорам политического дискурса» нельзя причислить метонимию, основанную на отношении смежности, и синекдоху, основу которой формирует отношение части-целого, так как при порождении метафоры когнитивная операция состоит во взаимодействии двух различных ментальных пространств (фреймов), а при метонимии (и синекдохе как ее части) когнитивная операция производится в пределах одной понятийной структуры [Лакофф, 1988, с. 33. Цит. по: Кобозева, 2001, с. 138], одного фрейма [Кобозева, 1993; Baranov, Dobrovolskij, 1996. Цит. по: Кобозева, 2001, с. 137]. Метонимический перенос заключается в переносе наименования с одного из составных элементов понятийной структуры на другой элемент в составе этой же ментальной структуры. Метонимия не влечет за собой никакого информационного приращения, никакого нового видения объекта речи, что является самым важным свойством метафоры в политическом дискурсе [Там же]. На это же указывает и Г.Г. Хазагеров, постулирующий, что в отличие от метафоры метонимия не привносит в ситуацию ничего додуманного, заимствованного из другого мира. Метафора представляет собой отличный концептуализатор действительности. Метонимия же используется чаще всего для удобной «упаковки» готовых смыслов [Хазагеров, 2002, с. 55]. Противопоставляя метонимию и метафору, Джордж Лакофф пишет, что метафорический перенос предполагает наличие области источника и области мишени. Область источника предположительно структурируется пропозициональной или образно-схематической моделью. В процессе переноса структура области источника переносится на соответствующую структуру области мишени. Метонимический же перенос осуществляется в одной единственной концептуальной области [Лакофф, 1996, с. 180].

Немаловажной проблемой при идентификации метафор в политическом дискурсе является сложность дифференциации метонимии и базовой метафоры персонификации. В случае политического дискурса в сферу действия метафоры персонификации попадает в основном тип сущностей, который обобщенно И.М. Кобозева называет «типы сообществ» (мировое сообщество, государство, народ, малочисленный пикет и т.д.). При помощи этой метафоры целым народам и государствам приписываются свойства (единство сознания, воли, целей, интересов и ценностей), присущие одному человеку. Автор считает возможным признавать метафору ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ЛИЧНОСТЬ только в тех случаях, когда «не проходит ни буквальное, ни метонимическое осмысление сочетания частного предиката с термом, обозначающим сообщество, и когда невозможно точно установить, какое подмножество, входящее в состав сообщества, имеется в виду [Там же, с. 141].

Далее перейдем к рассмотрению оппозиции метафоры и гиперболы. А. Вежбицкая указывает на то, что метафора, сравнение и гипербола облада-

ют общей семантической основой [Вежбицкая, 1990, с. 142]. И.М. Кобозева разграничивает метафору и гиперболу на основе понятия «когнитивное расстояние между концептами». К метафорам политического дискурса следует относить только те гиперболы, в «которых присутствует если не отождествление, то уподобление двух когнитивно далеких (непосредственно не связанных) концептов [Кобозева, 2001, с. 145]. А.П. Чудинов придерживается несколько радикальной точки зрения относительно метафороподобных единиц, которые целесообразно отбирать для анализа. Автор считает, что при «когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (поговорки, афоризмы и т.п.). К анализу привлекаются не только собственно метафоры, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота и т.д.» [Чудинов, 2001, с. 15–16]. Ученый, ссылаясь на то, что в соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис, считает, что при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Иначе говоря, понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия [Там же]. Исследуя вопрос об общности метафоры с другими тропами, В.Н. Телия акцентирует внимание на том, что «основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия и любой троп как «иносказание» (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме» [Телия, 1988, с. 173].

В.Н. Телия пишет, что основу тропеических механизмов, помимо всего прочего, составляет антропометрический принцип, согласно которому «человек – мера всех вещей», проявляющийся в создании эталонов, или стереотипов, которые служат своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности [Телия, 1988, с. 174].

При отборе языкового материала для анализа целесообразно включать конвенциональные (мертвые, стертые) метафоры. Их включение обусловлено двумя причинами. Во-первых, даже будучи стертыми, такие метафоры не потеряли своей силы, наоборот, по мнению Х. Перельмана и Л.

Ольбрехт-Тытеки, подобные метафоры являются средством куда более сильным, чем «действующие», благодаря тому, что в них утеряна связь с той идеей, которую они изначально обозначали. Кроме того, «мертвые метафоры особенно интересны, поскольку можно сказать, что мертвые метафоры – это те, которые выжили. Они умерли от постоянного употребления, но именно оно и свидетельствует о том, что они удовлетворяют некоторую семантическую потребность» [Пшенкин, 2006, с. 65–66].

По мнению Т.А. Прокофьевой, привычные метафоры, чья образность перестала осознаваться, закрепляясь на глубинных уровнях сознания, в значительной степени формируют наше представление о реальности, становятся элементами картины мира. Человек мыслит ими, использует как привычный способ ориентации в мире, не видя их относительности и неоднозначности [Прокофьева, 2003, с. 136].

Процесс стирания метафоры Н. Гудмен связывает с потерей способности вызывать образные представления. Этим он доказывает, что сущность метафоры – в ее функционировании, а не в применении [Гудмен, 1990, с. 196]. Кроме того, метафоры имеют свойство оживать в контексте. А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов при отборе языкового материала для словаря политических метафор интерпретируют ее расширительно: в состав данного феномена авторы включают не только метафоры в узком смысле слова, но и метонимические конструкции, синекдоху, сравнения (в том числе расширенные). Такая трактовка метафор и метафорических конструкций связана, как указывают авторы, с общностью их функций в политическом дискурсе. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов рассматривают метафору как «сложный языковой феномен, образуемый в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания ... и оболочки ...». По мнению авторов, исходное противопоставление двух смысловых концептов, лежащее в основе метафорического значения, хорошо ощущается **интуитивно** [Баранов, Караулов, 1994, с. 6. Выделено нами. – О.С., В.М.]. Конвенциональные метафоры выполняют функцию актуализации имеющихся в сознании реципиента моделей принятия решений, а авторские создают новые модели для новых ситуаций [Стриженко, 2003, <http://www.library.cjes.ru>].

Рассуждая о критериях отбора языкового материала для описания политической метафоры, А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов, считают, что при анализе «должно в равной мере учитывать как живую, так и стертую метафору». В соответствии с их точкой зрения, за мертвыми метафорами стоят культурно обусловленные представления о действительности, которые отнюдь не мертвы: они активно используются в осмыслении проблемных ситуаций. Для **политического контекста не всегда ясно, порождает ли метафора образ или нет** [Баранов, Караулов, 1994, с. 17–21. – Выделено нами. – О.С., В.М.]. В результате исследований, А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов приходят к выводу о том, что стертые метафоры в политическом тексте часто оживают и что **большая часть политического текста представлена именно «ожившими» стертыми метафорами**. Метафора «оживает, когда метафорическая модель получает развитие (распространение,

развертывание). Авторами дифференцируется пять основных типов оживления стертых метафор:

а) «административные рычаги» – «разболтавшиеся (несмазанные, смазанные) административные рычаги» – в данном примере оживление метафоры достигается посредством введения следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации (тенора) внутри той же самой модели;

б) «поезд ушел» – «партия успела вскочить на подножку уходящего поезда» – в данном случае используется отсылка к идиоме;

в) «дорога прогресса» – «скоростная магистраль прогресса» – в этом случае происходит замена имени модели (дорога) на синоним или квази-синоним (магистраль);

г) «партия становилась живым трупом» – в качестве приема оживления метафоры служит отсылка к прецедентному феномену (произведения художественной литературы, песни, лозунги, реклама, анекдоты, загадки, мифологические осмысления истории и др.);

д) «сбившись со своего пути, история покатила в пропасть» – оживление метафор связано с совмещением различных метафорических моделей, в данном случае – моделей ПУТИ и ПРОПАСТИ [Там же, с. 17–21].

Рассматривая проблему узкой и широкой интерпретации понятия «троп», В.П. Москвин пишет, что при узкой трактовке к тропам следует относить только метафорические и метонимические наименования (метафорические и метонимические эпитеты, перифразы), используемые в эстетической функции [Москвин, 2006, с. 13. – Выделено нами. – О. С., В.М.]. Необходимо отметить, что автор акцентирует именно функциональный критерий. Что же касается политического дискурса, то, как пишут А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов (1994), А.П. Чудинов (2001, 2003, 2006) и другие, в политическом дискурсе ведущей функцией тропов является когнитивная; на основе общности функций многие тропы рассматриваются в составе категории метафоры. Анализируя проблему причисления того или иного языкового феномена к разряду тропов, В.П. Москвин пишет, что если пренебречь функциональным критерием (только эстетическая функция тропов), то к тропам можно отнести любые семантически двуплановые и образные средства языка. Такая расширенная трактовка понятия «троп», по мнению автора, возможна в связи с тем, что на первый план у них в определенном контексте может выходить не декоративно-эстетическая функция, а какая-либо иная [Москвин, 2006]. В этом случае В.П. Москвин считает целесообразным использование термина «средства словесной образности» (семантически двуплановые языковые феномены), которые в отличие от тропов (в узком понимании) не обязательно используются продуцентом в декоративной функции.

Основываясь на анализе теоретической литературы, можно заключить, что в основе расширения критериев метафоричности и включения в состав данной категории различных двуплановых средств языка лежит тот факт, что механизм (ментальный) образования средств словесной образности –

метафора и метонимия. Исходя из того, что метафора в современной лингвистике интерпретируется как когнитивный механизм, в основе которого лежит взаимодействие различных концептуальных (ментальных) пространств, можно заключить, что в категорию политической метафоры можно включать образные и двуплановые средства языка, выполняющие в дискурсе когнитивную функцию. Итак, принадлежность к категории метафоры в политическом дискурсе определяется семантическим (смысловая двуплановость и образность) и функциональным (ведущая когнитивная функция и ее аспекты) критериями. Основываясь на вышеизложенных рассуждениях, перечислим языковые средства, входящие в категорию метафоры в политическом дискурсе: эвфемизмы, аллегория, образные перифразы, олицетворение, металепсис, ирония, литота, образные сравнения, эпитеты, катахреза. Дискуссионным остается вопрос о включении в категорию политической метафоры синекдохи, гиперболы и метонимии.

Изложенные выше теоретические данные сформировали логический базис для формулировки следующих критериев отбора материала при формировании картотеки по политической метафоре:

- любые тропы, основанные на уподоблении (вплоть до отождествления);

- при формировании картотек по политической метафоре в качестве метафор или метафороподобных выражений признаются всякие образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы операцию уподобления объектов, относящихся к различным областям онтологии, или типам;

- к группе метафор следует отнести сравнения – обороты с «как», «как будто», «словно», «подобно» и т.д., когда в тексте реализуются сразу оба члена сопоставления;

- конвенциональные (мертвые, стертые) метафоры;

- к метафорам политического дискурса следует относить только те гиперболы, в «которых присутствует если не отождествление, то уподобление двух когнитивно далеких (непосредственно не связанных) концептов;

- к «метафорам политического дискурса» нельзя причислить метонимию, основанную на отношении смежности, и синекдоху, основу которой формирует отношение части-целого;

- в случае политического дискурса в сферу действия метафоры персонификации попадает в основном тип сущностей, который обобщенно можно квалифицировать как «типы сообществ» (мировое сообщество, государство, народ, малочисленный пикет и т.д.). При помощи этой метафоры целым народам и государствам приписываются свойства (единство сознания, воли, целей, интересов и ценностей), присущие одному человеку. Метафора персонификации (а не метонимия) признается только в тех случаях, когда «не проходит ни буквальное, ни метонимическое осмысление сочетания частного предиката с термом, обозначающим сообщество, и когда невозможно точно установить, какое подмножество, входящее в состав сообщества, имеется в виду.

Библиография

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступит. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 133–152.

Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступит. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 194–201.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

Лакофф. Дж. Когнитивное моделирование (Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект: Сборник / Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. – М., 1996. – С. 143–184.

Прокофьева Т.А. Метафора кризиса в современной публицистике // Современная политическая лингвистика: Матер. междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 136–138.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М., 2006.

Пшенкин А.А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков. Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006.

Стриженко А.А. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания: Монография. – Барнаул, 2003. – Интернет, <http://www.library.cjes.ru>.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–203.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. – М., 2002.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000 гг.): Монография. – Екатеринбург, 2001.

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЫ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.А. Торлакян (г. Сочи)

Среди множества изменений, имеющих место в современной языковедческой науке, можно отметить усиленное внимание к диалогу, который рассматривается не только как феномен межличностного общения, но и как форма выражения социального бытия и когнитивного сознания собеседников. Подобная интерпретация диалогических отношений восходит к идеям М.М. Бахтина, согласно которым данные отношения отличаются из-

вестным своеобразием: они не могут быть сведены исключительно к логическим, лингвистическим или психологическим отношениям [Бахтин, 2000, с. 303].

В трактовке мыслителя диалог становится универсальным понятием, «пронизывающим все человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [Бахтин, 2000, с. 49]. В частности, это понятие становится применимым не только к анализу общих отношений языка и текста, но и антропологии и онтологии. «Быть, – пишет М.М. Бахтин, – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться... Все – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум бытия» [Бахтин, 2000, с. 294]. Таким образом, диалог есть условие любого бытия, именно залог этого бытия. Лишь наличие диалога может свидетельствовать о существовании субъекта. Понятие диалога дублирует, дополняет смысл существования, а именно идею коллективного общения. Более того, диалог может стать способом познания, так как представляет собой объективацию персонального знания, равно как и способ воссоединения участников диалога, а не просто способ отношений субъекта и объекта познания. Диалогический характер носит языковое и речевое мышление говорящей личности, процесс понимания, в частности.

Не без влияния данных идей М.М. Бахтина в середине XX века создаются предпосылки для развития принципиально иного, творческого взгляда на диалогическую сущность языка. В общепhilософском плане наиболее последовательно данный подход к языку был впервые предложен Л. Витгенштейном в его «Философских работах», обосновавших возможность определения языка не как формы, реализующей пропозициональные единицы мышления, но как творческого инструмента сознания, позволяющего человеку моделировать и создавать действительность своего существования [Витгенштейн, 1994]. Для лингвистики данное философское положение становится актуальным в 80-е годы, после появления работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» [Lakoff, Johnson, 1980]. Данные авторы предложили гипотезу, в соответствии с которой всякая образность в речевой деятельности не возникает в результате преобразований в структуре значения конкретных слов в процессе их взаимодействия в определенных синтаксических позициях (как это предполагалось в традиционных теориях метафоры). Образность изначально существует как элемент сознания, причем метафорические структуры сознания предопределяют характер словесного выражения мысли и ее структуру. На основании убедительного доказательства Дж. Лакоффа и М. Джонсона существования в человеческом сознании смыслопорождающих структур, прямо обуславливающих содержательность и форму конкретного высказывания, появляется возможность по-новому посмотреть на характер взаимодействия языковой системы и мыслительного процесса.

Именно поэтому, как представляется, использование в совокупности коммуникативного (прагматического) и когнитивного типов анализа диалога предстает в настоящее время наиболее адекватным. Тем более это очевидно, если принять во внимание тот факт, что основной единицей, релевантной для современных лингвистических исследований, становится дискурс [Вишнякова, 2003, с. 40]. Декодирование дискурса, на наш взгляд, предполагает установление определенных схем поведения говорящей личности в типичных социокультурных, психологических и т.п. ситуациях и выяснение языковых способов, с помощью которых эти схемы кодируются. Подобному декодированию в наибольшей степени отвечает именно функционально-прагматический и когнитивный анализ, предполагающий исследование триады «язык – мышление – сознание».

В частности, вопросы, связанные с взаимодействием в рамках диалогического дискурса языка, мышления и сознания, находят решение в рамках когнитивной парадигмы. Особое внимание к данной парадигме обусловлено той ролью, которую приобрел на современном этапе развития лингвистики фактор *Homo sapiens*. Языковая картина мира, общая для данного социума и неповторимая для каждого из его представителей, возникает в сознании говорящей личности в процессе восприятия объективной реальности, преломляется сквозь призму оценивающего Я, формируется мыслью и выражается в языковой материи. Названные этапы и составляют, в сущности, суть познавательной деятельности говорящей личности [Герасимов, Петров, 1988, с. 7–10].

В настоящее время при анализе диалогической формы общения отчетливо прослеживается тенденция объединения этих понятий в единый комплекс или систему на основе их связи с такими процессами, как получение, обработка, хранение и передача информации или знаний. Идея тесной взаимосвязи знаний, познания, сознания, мышления и языка находит, например, обоснование у С.Д. Кацнельсона в работе «Типология языка и речевое мышление». Исследователь, в частности, говорит о том, что сознание представляет собой в некотором роде сознание, т.е. совокупность знаний об окружающем мире, которыми владеет говорящий. Знания, по его мнению, являются элементами или единицами индивидуального сознания. Деятельность сознания выражается в процессах мышления, хотя нередко, как отмечает С.Д. Кацнельсон, значение этого термина ограничивается познавательной деятельностью сознания, которая является лишь одним, – правда, самым важным, – аспектом деятельности сознания [Кацнельсон, 1972, с. 110–112].

В обзоре исследований по проблемам языка и искусственного интеллекта второй половины двадцатого века В.В. Петров отмечает, что расширение теоретической базы исследования механизмов мышления предполагает активную кооперацию специалистов различного профиля в рамках единой концепции когнитивной организации. «Ее основные параметры – открытость когнитивных систем; приобретение нового знания путем усвоения внешних схем и правил; оперирование ментальными репрезентациями,